

Г. Е. Захаров

ЧЛЕНЫ СЕНАТА КАК АРБИТРЫ В БОГОСЛОВСКИХ СПОРАХ IV ВЕКА

Статья посвящена участию сенаторов в качестве посредников в арианских спорах IV в. Автор анализирует две исторические ситуации: диспут Фотина Сирмийского с Василием Анкирским на Сирмийском соборе 351 г. и призыв еп. Палладия Раттарского после его осуждения на Аквилейском соборе 381 г., вынести его спор со св. Амвросием Медиоланском на суд римского сената. Такая модель разрешения церковных конфликтов, очевидно, основывалась на представлении о том, что истинность вероучительной позиции требовалось доказывать в рамках богословского спора с помощью логических аргументов, поэтому функции арбитров должны были выполнять авторитетные, но нейтральные наблюдатели. Члены сената идеально подходили на эту роль. Однако практика участия сената в богословских спорах не получила широкого развития в рассматриваемую эпоху

Ключевые слова: сенат, арианские споры, взаимоотношения Церкви и римского государства в позднеантичный период.

С самого начала ее исторического пути жизнь Церкви была омрачена различными конфликтами, расколами и спорами, многие из которых были связаны не только с личной враждой, соперничеством влиятельных кафедр, борьбой за лидерство, но и с различной интерпретацией новозаветного откровения и христианской вероучительной традиции. Развитие института мoneпiscopата и церковных соборов было во многом ответом на те вопросы, которые поставили перед Церковью эти столкновения и разногласия. Именно епископы должны были, по мысли католических авторов II–III вв., поддерживать единство Церкви, опираясь на единое апостольское предание, и бороться с различными ересями и расколами¹. Однако «еретики» зачастую апеллировали к той же самой традиции и также часто были поставлены на ту или иную степень священства, включая епископство. В этой связи в Церкви в III в. остро встает вопрос о критериях отделения ортодоксии от ереси, и католичества от схизмы. Процесс интеллектуализации христианской богословской мысли в этот период, сопровождающийся формированием хри-

Захаров Георгий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

¹ Тема послушания христиан епископу является лейтмотивом посланий св. Игнатия Антиохийского (начало II в.) (*Ignat. Ep. ad Eph.* 4, 5, 20; *Ep. ad Magnes.* 4, 7; *Ep. ad Trall.* 2, 3; *Ep. ad Philad.* 2; *Ep. ad Smyrn.* 8, 9). Св. Иринея Лионский (конец II в.) рассматривает епископов как преемников апостолов и хранителей единого апостольского предания, противопоставляя католические общины собраниям гностиков (*Iren. Adv. haer.* III. 3). Св. Киприан Карфагенский (середина III в.) развивает учение о единстве епископата как фундаменте единства Католической Церкви (*Cyprian. Ep. ad Antonianum.* 24; *De unitate ecclesiae.* V).

стианских школ и возвышением служения учителей², приводит к возникновению представления о том, что вероучительная истина может быть доказана в споре и подкреплена очевидными логическими аргументами. Прекрасной иллюстрацией подобного рода подхода является Антиохийский собор 268 (269) г., направленный против Павла Самосатского, еретика-динамиста, занимавшего Антиохийскую кафедру, который был также профессиональным философом³. Чтобы доказать неправомыслие Павла, отцы собора организовали богословский диспут, на котором епископу противостоял софист Малхион, пресвитер и глава антиохийских «эллинских школ», одержавший верх в споре (Euseb. Hist. eccl. VII. 29). Однако характерно и другое – Павел не признал своего поражения, и лишь обращение епископов к императору Аврелиану позволило изгнать его из церковного дома. Таким образом, идея доказательности христианского вероучения приводит к необходимости внешнего арбитража в церковных спорах (Euseb. Hist. eccl. VII. 30).

После обращения Константина многие епископы начинают воспринимать императора как подобного рода высшего арбитра. В IV в. императоры неоднократно выступают в этой роли во время донатистского и арианского споров. Однако известен как минимум один прецедент, когда император перекладывает подобного рода функции на авторитетного «коллективного судью», а именно, на членов константинопольского сената. Речь идет о соборе 351 г. в Сирмии, направленном против епископа этого города Фотина, проповедовавшего идеи, близкие богословию Павла Самосатского, учившего о том, что Христос был простым человеком⁴. Несмотря на разрыв общения между восточным (евсевиянским) и западным (никейским) епископатом на Сердикском соборе 343 г., учение Фотина единодушно было отвергнуто и в той, и в другой части христианского мира. В 344 г. учение Фотина, наряду с доктриной его учителя Маркелла Анкирского, было осуждено на соборе в Антиохии (Ath. De synod. 26; Socrat. Hist. eccl. II. 19). В 345 г. Фотин был осужден западными епископами на соборе в Медиолане (Hilar. Fr. II. 19). Возможно, в 347 г. собор, направленный против Фотина, был созван и в самом Сирмии, однако решение о его низложении не было реализовано. Препятствием стало народное возмущение (*per factionem populi*)⁵ – очевидно, значительная часть сирмийской паствы поддерживала своего епископа, – а также, вероятно, нежелание обострять церковно-политическую ситуацию в балканском регионе со стороны западного императора Константа. Однако в 350 г. политическая ситуация в Империи изменилась. Констант был убит узурпатором Магненцием. Констанций II оказался единственным законным правителем Империи и начал борьбу за подчинение себе западных провинций.

По мере своего продвижения на запад в ходе войны с Магненцием Констанций пытался восстановить здесь церковный мир и вовлечь западный епископат в общение с восточным, на который император и опирался в своей церковной политике. Во время военных действий на Балканах Констанций провел в Сирмии собор восточных и иллирийских епископов (351 г.), на котором Фотин Сирмийский был низ-

² О разногласиях в трактовке апостольского предания и о его харизматических истолкователях, обладающих «благодатью слова, премудрости и разума» (*sermonis, scientiae et sapientiae gratiam*) см. *Orig. De principiis*. I. Praef. 2–3. О служении учителей в ранней Церкви см. Рицци 2012, 378–383.

³ См. Бер 2006, 171–193.

⁴ О богословии Фотина см.: Simonetti 1965, 135–159; Williams 2006, 187–206; Захаров 2012, 106–108.

⁵ *Hilar. Fr. II. 21*. О дискуссии в научной литературе вокруг данного свидетельства св. Илария Пиктавийского см. Захаров 2012, 108–111.

ложен⁶. Собор также провозгласил так называемую первую сирмийскую формулу, к которой было добавлено множество анафематизмов, направленных против различных толков монархианства и против некоторых тезисов Ария⁷. Фотин потребовал беспристрастного суда, и тогда император повелел провести ученый диспут между Фотином и одним из самых известных евсевианских богословов еп. Василием Анкирским. Прения стенографировались. Часть стенограммы дошла до нашего времени в составе сочинения св. Епифания Кипрского «Панарион» (Eriphan. Panarion. 71. 2–4), хотя церковный автор ошибочно связывает данный эпизод с Сердикским собором 343 г. (Eriphan. Panarion. 71. 1). Свидетельства о проведении в Сирмии богословского диспута присутствуют и в сочинениях византийских церковных историков V в. Сократа и Созомена⁸. И если Епифаний путает Сирмийский собор 351 г. с Сердикским собором 343 г., Сократ и Созомен рассматривают как один собор Сирмийские соборы 351, 357 и 359 г. и приписывают ему соответственно не только первую, но и вторую и четвертую сирмийские формулы.

Указанные источники позволяют составить достаточно ясное представление о сирмийском диспуте 351 г.: как уже отмечалось, недовольный решением созванного императором собора епископов Фотин потребовал нового разбирательства с участием третейских судей. Если Сократ и Созомен говорят о вызове на состязание (εἰς διάλεξιν), брошенном Фотином участникам собора⁹, то Епифаний прямо указывает на подачу им апелляции императору. Фотин просил Констанция назначить «слушателей» (ἀκροατάς), перед которыми он мог бы оправдаться (τοῦ ἀποδείξαι ἑαυτὸν μάτην καθηρημένον).

Констанций пригласил выступить в этой роли высших чиновников Империи (Eriphan. Panarion. 71. 1). В качестве соперника Фотина в диспуте принял участие Василий Анкирский, который занял кафедру учителя Фотина – Маркелла, низложенного, как и Фотин, за монархианскую ересь (впрочем, менее радикальную и очевидную)¹⁰. Отметим также, что Фотин до своего поставления на Сирмийскую кафедру был диаконом Анкирской церкви (Hilar. Fr. II. 19). Это обстоятельство, вероятно, поспособствовало тому, что оппонентом Фотину был избран именно Василий, известный помимо всего прочего своими богословскими познаниями. Как и в случае с диспутом между Павлом Самосатским и Малхионом, прения фиксировали стенографисты, что может быть объяснено не только «судебным» характером спора, но и опасностью запутаться в сложной логической аргументации¹¹. Указывая на то, что судьи, призванные определить победителя диспута, были назначены императором, Епифаний, Сократ и Созомен несколько расходятся в вопросе о критериях их отбора: Сократ говорит о немалом числе сенаторов (τῶν συγκλητικῶν οὐκ ὀλίγοι) (Socrat. Hist. eccl. II. 30), Созомен – о судьях (δικαστῶν), «которые при дворе превосходили в то время всех своими познаниями и достоинством» (οἱ ἐλιστήμη λόγων καὶ ἀξιώματι τότε πρῶτεύειν ἐν τοῖς βασιλείοις ἐδόκου) (Sozom. Hist. eccl. IV. 6. 15). Т.е. если в первом случае речь идет о социально-государственном принципе, то во втором – о личном авторитете и достоинствах приближенных императора. Приведенный Епифанием Кипрским список из

⁶ О Сирмийском соборе 351 г. см.: Meslin 1967, 268–270; Simonetti 1975, 202–206; Brennecke 1984, 91–107; Löhr 1986, 37–39; Hanson 2005, 325–329; Захаров 2012, 112–119.

⁷ Ath. De synod. 27; Socrat. Hist. eccl. II. 30; Hilar. De synod. 38.

⁸ Socrat. Hist. eccl. II. 29–30; Sozom. Hist. eccl. IV. 6.

⁹ Socrat. Hist. eccl. II. 30; Sozom. Hist. eccl. IV. 6.

¹⁰ О Маркелле Анкирском см.: Lienhard 1999; Parvis 2006.

¹¹ См. сохранившийся у св. Епифания фрагмент протокола.

восьми имен¹² указывает на то, что роль судей действительно взяли на себя члены константинопольского сената, который, в отличие от римского, был собранием не старой аристократии, а высших сановников¹³. Среди них были префект претория Востока Фалассий, префект претория Италии и Африки Тавр, комит Востока Леонтий, советник императора Датиан¹⁴.

На данный момент не представляется возможным дать однозначный ответ на вопрос, рассматривал ли Констанций привлеченных им в качестве судей сановников как официальных представителей сената или его выбор носил исключительно персональный и неофициальный характер. Однако данный эпизод указывает на характерные особенности восприятия императором богословских споров своего времени. Если вероучительная истина могла быть определена в споре внешними и потому непредвзятыми судьями, то само по себе христианское богословие мыслилось императором, очевидно, в большей степени не как традиция, подтверждаемая в духовном опыте, а как набор рациональных постулатов, которые могут быть логически доказаны. Выбор в качестве судей высших чиновников Империи, обладающих определенной светской правовой культурой, указывает на еще одну особенность мышления Констанция – его юридизм. Как и его отец Константин, Констанций был «римлянином» больше чем «греком», несмотря на то, что в своей церковной политике опирался на епископат восточных провинций Империи. В любом случае диспут Фотина и Василия, безусловно, является яркой иллюстрацией процессов взаимной интеграции церковных и государственных институтов в IV в. Однако данный опыт не был взят на вооружение в эпоху арианских споров ни церковной, ни императорской властью и остался неким исключением.

В самом конце IV в. епископ из того же самого иллирийского региона Палладий Ратиарский, исповедующий омиийские взгляды, возродит в своем апологетическом сочинении идею посредничества сената в богословском споре. Главным оппонентом Палладия был св. Амвросий Медиоланский, написавший большое богословское сочинение «О вере», в котором он, в числе прочего, изобличал ратиарского епископа как сторонника ереси Ария (Ambros. De fide. I. 45). Палладий Ратиарский обратился к императору Грациану (367–383) с просьбой организовать собор для разрешения спора. Грациан дал обещание Палладию созвать в Аквилее большой собор и призвать на него не только западных, но и восточных епископов, на поддержку которых Палладий очень надеялся (Gesta Conc. Aquil. 10). 3 сентября 381 г. собор действительно собрался в Аквилее под председательством местного епископа Валериана (хотя его очевидным неформальным лидером был св. Амвросий)¹⁵. Восточные епископы на собор приглашены не были¹⁶. Участие в нем приняли лишь епископы Италии (Римский престол не был представлен) и несколько их коллег из Галлии, Африки и Иллирика (Gesta Conc. Aquil. 1, 55–64). Инициатор созыва

¹² *Epiphan. Panarion. 71. 1*: Фалассий, Датиан, Кералий, Тавр, Маркеллин, Евантий, Олимпий, Леонтий.

¹³ Джонс 1997, 387; Чекалова 2010, 63–80; Feissel 2012, 90–92.

¹⁴ См. список сенаторов IV в. в монографии: Чекалова 2010, 251–274.

¹⁵ Об Аквилейском соборе см.: Gryson 1980, 121–143; Williams 1995, 169–184; Захаров 2012, 241–246. О Палладии Ратиарском см. Meslin 1967, 85–92.

¹⁶ Согласно интерпретации Палладия, Грациан приказал восточным епископам прибыть на собор (*Imperator noster Gratianus iussit Orientales venire – Gesta Conc. Aquil. 8*), но св. Амвросий сумел помешать их приезду (*Sed ne venirent tua petitio fecit – Gesta Conc. Aquil. 8*), при этом Грациан оказался обманут (*Quare subripuistis imperatori? – Gesta Conc. Aquil. 42*).

собора Палладий Ратиарский и его соратник Секундиан Сингидунский неожиданно для себя предстали на соборе в роли обвиняемых. Оба они, разумеется, были осуждены как приверженцы «арианской ереси» и отказались признать решения собора законными (*Gesta Conc. Aquil.* 54–64; *Diss. Max.* 113–121).

Не удовлетворенный соборными решениями, Палладий будет требовать в своем апологетическом сочинении пересмотра своего дела перед лицом незаинтересованных судей – восточных епископов на вселенском соборе¹⁷ или римского сената (*apud senatum ipsius urbis*)¹⁸. Что касается последней, казалось бы, экстравагантной идеи, то предлагается вести диспут 30 или даже 40 дней на основании Священного Писания (*secundum Scripturarum omnium auctoritatem*). Позиции сторон необходимо, по мысли Палладия, изложить в письменных сочинениях (*conscriptis tractatibus*), которые должны быть публично оглашены в Риме (*urbi publica recitatione pandendos*) и по императорскому указу (*per imperiale preceptum*), согласно докладу слушателей (*auditorum relatione*), разсланы всем церквям (*ad totius orbis ecclesias*). Публичный характер диспута и предоставление возможности судить о правоте сторон не только христианам, но и язычникам (которых было много и в римском сенате), а также иудеям, Палладий мотивирует тем, что и они тоже знают Священное Писание, поскольку его переписывали языческие и иудейские копиисты.

Естественно, подобного рода сценарий развития событий не мог быть одобрен св. Амвросием, который считал Палладия всего лишь одним из немногих еретиков-маргиналов, не принимающих одобренную к тому времени абсолютным большинством епископов никейскую веру¹⁹. Кроме того, медиоланский епископ в принципе отрицал, как это зафиксировано в актах Аквилейского собора, право мирян судить о вере и делах епископов (*sacerdotes de laicis iudicare debent, non laici de sacerdotibus*) (*Gesta Conc. Aquil.* 51), а в дальнейшем во время знаменитого конфликта из-за медиоланских базилик с другим омиийским епископом – Авксентием (385–386 гг.) даже аналогичное право императоров (*in causa, inquam, fidei episcopus solere de imperatoribus Christianis, non imperatores de episcopis iudicare*) (*Ambros. Ep.* 21(75). 4).

Таким образом, мы имеем дело в данном случае не только с персональным конфликтом двух епископов, придерживающихся различных богословских позиций, но и со столкновением двух различных взглядов на место рациональной аргументации в богословии. Палладий руководствуется тем же самым пониманием механизмов выявления вероучительной истины, что и Фотин и Констанций: истинное учение может быть доказано в споре с помощью логических аргументов, очевидных для любого человека, не обязательно христианина. Идея привлечения к разбирательству язычников и иудеев в этой связи представляется вполне закономерной – все христиане принадлежат к тем или иным церковным течениям, представители же других религий не вовлечены в спор и поэтому могут более беспристрастно исполнить роль третейских судей. Св. Амвросий, напротив, полагает, что харизма хранителей, защитников и благовестителей истинной веры принадлежит только епископам. Диалектический метод в богословском рассуждении медиоланский епископ считает признаком ереси и решительно его отвергает (*Ambros. De fide.* I. 84).

¹⁷ *Diss. Max.* 96. См. также: Peri 1983, 41–78.

¹⁸ *Diss. Max.* 139. Палладий требовал участия в качестве арбитров в прениях с Амвросием представителей знати (*honorati*) и во время Аквилейского собора: *Gesta Conc. Aquil.* 51.

¹⁹ *Ambros. Ep.* 12. 1: «В западных же пределах с трудом отыскались два еретика, которые могли бы противиться святому собору» (*In Occidentalibus autem partibus vix duo haeretici, qui obviare possint sancto concilio, sint reperti*).

Несмотря на то, что в ходе арианских споров богословский традиционализм одержал решительную победу над рационализмом, проблема высшего арбитража в конфликтах между епископами так и останется неразрешенной. Византийский Восток будет зачастую воспринимать в роли высшего судьи фигуру императора, а Запад наделит полномочиями высшей апелляционной инстанции первенствующую по чести кафедру христианского мира – Римский престол, что во много определит исторические судьбы Церкви на Западе и Востоке в последующие века.

Литература

1. *Бер И.* 2006: Становление христианского богословия: Путь к Никее. Тверь,
2. *Джонс А.Х.М.* 1997: Гибель античного мира. Ростов-на-Дону.
3. *Захаров Г.Е.* 2012: Илирийские церкви в эпоху арианских споров (IV – начало V в.). М.
4. *Рици М.* 2012: Διδάσκαλος в христианских общинах II и III вв. // XXII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: материалы. Т. I. М., 378–383.
5. *Чекалова А.А.* 2010: Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М.
6. *Brennecke H.C.* 1984: Hilarius von Poitiers und die Bischofsopposition gegen Konstantius II: Untersuchungen zur dritten Phase des arianischen Streites (337–361). B.–N.Y.
7. *Feissel D.* 2012: L'empereur et l'administration impériale // Le monde byzantin. Vol. I: L'Empire romain d'Orient (330–641). P., 79–110.
8. *Gryson R.* 1980: Introduction // Scolies ariennes sur le concile d'Aquilée (Sources chrétiennes. 267). P.
9. *Hanson R.P.C.* 2005: The Search for the Christian Doctrine of God. The Arian Controversy, 318–381. L.
10. *Lienhard J.T.* 1999: Contra Marcellum: Marcellus of Ancyra and Fourth-Century Theology. Washington.
11. *Löhr W.A.* 1986: Die Entstehung der homöischen und homöusianischen Kirchenparteien: Studien zur Synodalgeschichte des 4. Jahrhunderts. Bonn.
12. *Meslin M.* 1967: Les Ariens d'Occident, 335–430. P.
13. *Parvis S.* 2006: Marcellus of Ancyra and the Lost Years of the Arian Controversy 325–345. Oxf.
14. *Peri V.* 1983: Concilium plenum et generale: la prima attestazione dei criteri tradizionali dell'ecumenicità // Annuario Historiae Conciliorum. Vol. 15. № 1, 41–78.
15. *Simonetti M.* 1965: Studi sull'arianesimo. Roma.
16. *Simonetti M.* 1975: La crisi ariana nel IV secolo. Roma.
17. *Williams D.H.* 1995: Ambrose of Milan and the End of the Nicene-Arian Conflicts. Oxf.
18. *Williams D.H.* 2006: Monarchianism and Photinus of Sirmium as Persistent Heretical Face of the Fourth Century // Harvard Theological Review. 99. 2, 187–206.

MEMBERS OF THE SENATE AS ARBITERS IN THE THEOLOGICAL DISPUTES OF THE 4th CENTURY

G. E. Zakharov

This paper is devoted to the participation of senators in Arian controversy of the 4th century. The author analyzes two historical situations: the dispute of Photinus of Sirmium with Basil of Ancyra at the council of Sirmium (351), in which members of the Senate of Constantinople took part as arbiters, and the demand of Palladius of Ratiaria after his condemnation at the council of Aquileia in 381 to bring his dispute with St. Ambrose to judgment of the Roman Senate. This model of resolving church conflicts is based on the idea that doctrinal truth can be proved by logical arguments in a theological dispute. Members of the Senate ideally suited the role of authoritative but neutral observers. However, the practice of participation of the Senate in theological debates did not develop further during the Arian controversy. Theological traditionalism triumphed over rationalism and supreme doctrinal authority remained the prerogative of bishops.

Keywords: Senate, Arian controversy, Church and Roman state, Late Antiquity.